

Р. Ф. Брандт

**Лекции по исторической
грамматике русского языка**

Выпуск 1. Фонетика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р11

Р11 **Р. Ф. Брандт**
Лекции по исторической грамматике русского языка: Выпуск 1. Фонетика / Р.
Ф. Брандт – М.: Книга по Требованию, 2021. – 154 с.

ISBN 978-5-4241-6850-5

ISBN 978-5-4241-6850-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛЕКЦІИ
И О
ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКѢ
РУССКАГО ЯЗЫКА,

читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго
Университета

Романомъ Брандтомъ.

Выпускъ I.
ФОНЕТИКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ издаваемыхъ теперь лекцій служить литературный русскій языкъ, который въ нихъ освѣщается діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами. Въ отличіе отъ извѣстныхъ Лекцій Алексѣя Ивановича Соболевскаго, здѣсь предлагаются лекціи не по исторіи русскаго языка, а по его историко-сравнительной грамматикѣ.

Печатаются настоящія лекціи почти безъ дополненій противъ того, какъ они дѣйствительно читались: значительное распространеніе, думается мнѣ, легко могло бы придать задуманному университетскому учебнику характеръ справочной книги.

Романъ Брандтъ.

Г л а с н ы е з в у к и .

Для гласныхъ звуковъ русскаго языка большое значеніе имѣетъ удареніе: только ударяемые гласники отличаются явственностью и опредѣленностью; при отсутствіи же ударенія совпадаютъ между собой два, а иногда и три звука. На явственности ударяемыхъ гласниковъ основано извѣстное школьное правило, что, когда мы сомнѣваемся, какую употребить гласную букву, то должны подобрать другую форму того же слова, съ удареніемъ на сомнительной буквѣ: можно напр. усумниться, слѣдуетъ-ли писать тѣнѹ, тенѹ, или тѣнѹ, но 2-е лицо «тѣнешь» показываетъ, что нужно писать я.

Господство ударяемыхъ гласниковъ и ослабленіе безударныхъ есть явленіе довольно новое, развившееся въ XIV—XVI столѣтіи. Впрочемъ надо помнить, что хронологія языка отличается вообще большою неточностью: въдѣ письмо всегда только приблизительно передаетъ выговоръ словъ, и иная особенность, хотя не выражается на письмѣ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать въ живой рѣчи. Ослабленіе безударныхъ гласниковъ—черта южно-великорусскаго говора и литературной рѣчи; эту особенность раздѣляетъ и нарѣчіе бѣлорусское. Напротивъ того нарѣчію малорусскому и сѣверно-великорусскому говору она почти чужда.

Въ обзорѣ гласныхъ звуковъ я буду отмѣчать съ одной стороны ихъ качественныя особенности, а съ другой—ихъ происхожденіе. Чтобы дать болѣе ясное представленіе о звукахъ русскаго языка, я при письменномъ изображеніи его словъ буду пользоваться не общепринятымъ правописаніемъ, а фонетическою транскрипціей. Обратимся прежде всего къ ударяемымъ гласникамъ, къ безударнымъ мы перейдемъ впоследствии.

Звукъ *а* не требуетъ замѣчаній насчетъ качественныхъ своихъ особенностей ¹. Что же до его происхожденія, то русское *а* происходитъ 1) изъ праславянскаго *а*—такое *а* мы имѣемъ, напримѣръ, въ словахъ *баба*, *сан*. ² 2) Звукъ *а* является тамъ, гдѣ въ староперковномъ языкѣ былъ *а'*; а именно юсу узкому соответствуетъ *а* съ предшествующей мягкостью ³. Эта мягкость иногда можетъ теряться, т. к. иные согласники, бывши первоначально мягкими, впоследствии въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвердѣли; и въ такихъ случаяхъ мы на мѣстѣ *а* находимъ просто *а*. 'А мы имѣемъ напр. въ глаголь *сѣду*, соответствующемъ староперковному *сѣдъ*; въ существительномъ *мѣса*, равномъ староперковному *масо*. Здѣсь въ обоихъ примѣрахъ мы видимъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласникомъ. Простое *а* на мѣстѣ *а*, безъ предшествующей мягкости, мы находимъ послѣ шипящихъ *ж* и *ш*. (О *ч* и *щ* рѣчь будетъ ниже). Мы имѣемъ, напримѣръ, существительное *жѣла*, основная форма котораго будетъ *жало*; имѣемъ прилагательное *шаткѣй*, находящееся въ связи съ церковно-славянскимъ *шатати сѣ*. (Русскій глаголь *шататься* въ примѣръ не годится, потому что *а* въ немъ безударное). *А* безъ предшествующей мягкости въ соответствии *а* является также и послѣ согласнаго дифтонга *ч*, обозначать который я буду черезъ *тш*, такъ какъ оба эти звука, тѣсно соединенные, слышатся въ нашемъ дифтонгѣ. Изъ указанныхъ элементовъ первый всегда мягокъ, а второй обыкновенно бываетъ среднимъ. (Средній выговоръ я буду обозначать точкой). Итакъ, русское *ч* состоитъ изъ

¹ О нѣкоторыхъ отгѣнкахъ его удобнѣе будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ.

² Удареніе русскихъ словъ *я*, при писаніи на доскѣ въ аудиторіи, а также и въ литографическомъ изданіи этихъ лекцій, обозначалъ отгѣсной чертой, такъ какъ обыкновенные знаки, 'и' (акуть и грависъ) имѣютъ особыя значенія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но въ настоящемъ изданіи, чтобы не отливать новыхъ буквъ, я пользуюсь акутомъ.

³ Въ виду того, что праславянскіе звуки почти всегда совпадаютъ со староперковными, я обыкновенно буду выводить русскія слова изъ староперковныхъ.

⁴ Мягкость я буду обозначать апострофомъ.

т + ш. При такомъ произношеніи слогъ ѣд находитъ подобное же отраженіе какъ жа и ша, т. е. представляетъ отсутствіе мягкости, напр. $\widehat{тшаст}$, равное староцерк. $\widehat{ѣаст}$. Но не вездѣ одинаково произносятся ч, въ нѣкоторыхъ говорахъ ч мягко, т. е. представляетъ $\widehat{т+ш}$. При такомъ выговорѣ ч не стоитъ уже на ряду съ ж и ш, а подходит подь общее правило. Сказанное про ч относится и къ согласному трифтовгу ш, который есть или $\widehat{штш}$, или же $\widehat{штш}$, а у иныхъ звучитъ и какъ простой, но протяжный согласный—какъ $\widehat{шш}$: $\widehat{паштш$ ада, или $\widehat{паштш$ ада, или же $\widehat{пашп}$ ада=староцерковному *поштада, праславянскому *поцшда. Въ известномъ смыслѣ къ исключеніямъ принадлежитъ и тотъ случай, когда л предшествуетъ j, т. е., напримѣръ, какое-нибудь слово јадра (беру множественное число, а не единственное, чтобъ имѣть а подь удареніемъ), соотвѣтствующее староцерковному мдра. Здѣсь звуку а предшествуетъ мягкій согласникъ j, но всетаки самому л соотвѣтствуетъ одинъ только звукъ а, потому что j на лицо и въ староцерковномъ языкѣ.

Есть нѣкоторые случаи, гдѣ русское а съ предшествующей мягкостью находитъ себѣ соотвѣтствіе въ староцерковныхъ формахъ съ ѣ. Такъ, при нашемъ нарѣчій прѣмо мы находимъ староцерковное прѣмо; русской глагольной формѣ памѣнѣтъ соотвѣтствуетъ староцерковная помнѣтъ; русское прилагательное румѣнѣтъ соотвѣтствуетъ староцерковному роумѣнѣтъ. Но при глагольной формѣ помнѣтъ мы встрѣчаемъ также форму поманѣтъ. Староцерковное роумѣнѣтъ по-сербски будетъ рѣмен, рѣмена, -о; а сербское е, если оно проходитъ по всѣмъ говорамъ сербскаго языка, предполагаетъ или основное е, или ѣ, но не ѣ: если бы тутъ былъ ѣ, то при формѣ рѣ м е н должны бы существовать (въ западныхъ говорахъ) разновидности рѣ м ѣ е н и -иѣ. Итакъ серб. рѣ м е н свидѣтельствуетъ объ основномъ роумѣнѣтъ. За то польскій языкъ здѣсь предполагаетъ ѣ: по-польски гшнѣану, а польское 'а соотвѣтствуетъ славянскому ѣ, на мѣстѣ же л было бы 'з или 'е: гшнѣану или гшнѣану¹. Такимъ образомъ праславян-

¹ Почти тождественныя фонемы гшнѣану и румѣнѣтъ представляютъ поучительный примѣръ, что сходство можетъ иногда указывать на первоначальное различіе.

скія созвучія *ам* и *ан* въ разсматриваемыхъ словахъ имѣли при себѣ разновидности *ам*, *ан*, и русскія *'ам*, *'ан* можно возводить къ послѣднимъ.

Мы видѣли случаи, въ которыхъ русскіе слоги *ја*, *жа*, *ша*, *тша* произошли изъ праславянскихъ сочетаній съ *а*; не слѣдуетъ однако думать, чтобъ эти слоги всегда имѣли такое происхождение. Существуютъ также слова въ родѣ *ја́ гъ да*, равнаго основному *шго́да*, гдѣ *а* восходитъ къ праславянскому *а* и къ славяно-литовскому *ō*—по-литовски это слово будетъ *ūga*, что предполагаетъ славяно-литовское **oga*. Далѣе, въ такихъ слогахъ, какъ *ја*, *жа*, *ша*, *тша*, а славянской и вмѣстѣ съ тѣмъ русское *а* стоитъ очень часто вмѣсто *я*. Мы имѣемъ, напр., глаголь *комти са*, 2-е лицо настоящего *комим са*; глаголь *стоити*, 2-е л. *стоим*—эти глаголы образованы такъ же, какъ *летати*, имѣющей 2-е л. *летим*, но только въ неокончательномъ они послѣ *ј* вмѣсто *я* представляютъ *а*. Подобнымъ же образомъ и послѣ шипящихъ мы встрѣчаемъ *а* вмѣсто *я*, напр. *лежати*, 2-е лицо *лежим*—*лежати* вмѣсто **лежати*. Въ литовскомъ языкѣ мы здѣсь находимъ *е* у з к о е, предполагающее *ē*, напр. нашему *сѣдати* въ литовскомъ соотвѣтствуетъ *sėdėti*. Подобное же *а* вмѣсто *я* является и въ цѣломъ рядѣ существительныхъ, напр. въ словѣ *жа́ба*, которое имѣетъ соотвѣтствіе въ сербскомъ—*жа́ба* (съ *а*: если бы тутъ въ праславянскомъ языкѣ былъ *д*, то Сербы произносили бы *жеба*) и въ польскомъ *żaba* (а не *żęba* или *żaba*). Таково же слово *ша́лзъсѣт*, находящееся въ связи съ сербскимъ *шала шутка* (не *шела*), съ польскимъ *szalony* безумный (не *szęlony* или *szalony*); далѣе слово *тша́ша*, сербское *чаша* и польское *szasza*. Въ известномъ смыслѣ можно сказать, что указанные слова представляютъ *а* вмѣсто *я*, но точнѣе говорить, что *а* замѣняетъ тутъ *ē*, которое при другихъ условіяхъ дало бы *я*. Притомъ уже Праславяне послѣ *ј* и шипящихъ употребляли *а* вмѣсто *ē*, и русскіе унаслѣдовали *готовое а*.

Такъ какъ русскій звукъ *а* съ предшествующей мягкостью можетъ соотвѣтствовать или основному *а*, или *я*, то, при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ, надо себѣ всегда ставить вопросъ, чему соотвѣтствуетъ данное *а*. Замѣтимъ, что въ корняхъ *а* съ предшествующей мягкостью (именно, съ предшествующими мягкими

согласными, т. е., за исключеніемъ созвучій ја, жа, ша, тша) происходитъ изъ л, и только въ суффиксахъ мы имѣемъ также древнее а съ предшествующей мягкостью, напр. русское слово зѣмля соотвѣтствуетъ староцерковному земля.

Замѣна л черезъ 'а—замѣна древняя; вторичнымъ однако слѣдуетъ считать отвердѣніе (въ большей или меньшей степени) нѣкоторыхъ согласныхъ. Первоначально слогамъ съ л соотвѣтствовали всегда мягкіе слоги: мы знаемъ, что ч можетъ быть мягкимъ, первоначально же оно всегда было такимъ, точно такъ же и ж, ш. Такъ, напримѣръ, ж'а л а первоначально звучало ж'а л о, ш'а т к ѣ й—ш'а т к о й. Что л издавна былъ утраченъ русскимъ языкомъ это явствуетъ изъ первыхъ памятниковъ русскаго письма. Какъ извѣстно, въ памятникахъ XI столѣтія—въ Остромировомъ Евангеліи (1056—57 гг.), въ обоихъ Изборникахъ Святославовыхъ (1073 и 1076 г.) и въ Служебныхъ Минеяхъ за октябрь и ноябрь мѣсяцы (1095—97 гг.)—мы имѣемъ уже случаи смѣшенія буквы л съ буквами а и ш. Напр. діаконъ Григорій въ послѣсловіи пишетъ: «поухъ писати», между тѣмъ какъ нужно было написать «поухъ»; да и въ самомъ текстѣ Евангелія, при списываніи южно-славянскаго подлинника, онъ нерѣдко ошибался насчетъ употребленія буквъ л, а и ш. Можно, правда, привести нѣкоторыя соображенія въ пользу существованія въ русскомъ языкѣ, въ болѣе раннюю пору, пословыхъ гласныхъ, но эти доводы носятъ характеръ сомнительный. Они будутъ изложены ниже.

Что касается письменнаго знака л, то онъ сохранялся въ русскомъ письмѣ на ряду съ ѡ и даже употреблялся предпочтительно передъ нимъ; л преобладаетъ также въ церковныхъ книгахъ новой редакціи; изъ его скорописной разновидности вышла буква л гражданскаго письма и печати.

Обратимся теперь къ звуку е. Е есть звукъ средній между а и и, и какъ таковой можетъ занимать приблизительно середину между ними, или же приближаться болѣе къ а, или болѣе къ и. Въ русскомъ языкѣ существуютъ двѣ е—одно болѣе близкое къ а, другое болѣе близкое къ и; кажется, въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ встрѣчается еще е среднее, однаково далекое какъ отъ и, такъ и отъ а. Звукъ е болѣе близкій къ а буду обозначать посредствомъ ѡ и называть е широкимъ. Широкое е тоже-

ственно съ нѣмецкимъ *e* въ словѣ *Aehre* (колосъ), и съ французскимъ *è*, напр. въ словѣ *rège*: примѣромъ на такое *e* можетъ служить слово *м̄ ä л.* Узкое *e* равно нѣмецкому *e* въ словѣ *Ehre* (честь), французскому *é*, напр. въ словѣ *bonté* (доброта); такое *e* представляетъ напр. слово *ж̄ е л.* (Узкое *e* буду выражать перевернутымъ *э*).

Двойкость звука *e* въ русскомъ языкѣ впервые была указана академикомъ Як. Карл. Гротомъ, въ статьѣ, помѣщенной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1847-мъ году, и перепечатанной потомъ въ сборникѣ его грамматическихъ работъ, въ его «Филологическихъ разысканіяхъ». Статья эта озаглавлена «О произношеніи буквъ *e*, *ë* и *э*». Уже изъ приведеннаго заглавія видно, что указанная особенность звука *e* одинаково относится къ этому звуку, какъ бы онъ ни изображался на письмѣ. Позже Грота, но независимо отъ него, пришелъ къ тому же заключенію другой академикъ, извѣстный специалистъ по санскритскому языку—Бётлингъ (Böthlingk). Статья Бётлинга, въ которой онъ между прочимъ рассматриваетъ занимающій насъ вопросъ, озаглавлена «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» и напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, томъ I; она же появилась на нѣмецкомъ языкѣ во французско-нѣмецкомъ изданіи Академіи, *Bulletin historico-philologique*, v. IX, подъ заглавіемъ: «*Beiträge zur russischen Grammatik*».

Условія появленія въ русскомъ языкѣ того или другого *e* очень просты; тогда какъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ только изъ практики можно узнать, гдѣ будетъ *ä*, а гдѣ *e*, въ русскомъ языкѣ для этого существуетъ общій законъ, не допускающій исключеній. Я здѣсь дамъ свою формулу, впрочемъ почти совпадающую съ формулой Бётлинга. (У Грота мы находимъ неудовлетворительное опредѣленіе, потому что онъ въ указанной статьѣ говоритъ вмѣсто звуковъ о буквахъ). Формула моя слѣдующая: передъ мягкими согласными, въ числѣ которыхъ находится также легкій *j*, или, если употребить другой терминъ—*i* несложное (звукъ, для котораго въ русской азбукѣ существуетъ знакъ *й*), является *e*, въ другихъ случаяхъ—*ä*. Значитъ, *ä* является пе-